

В. Н. Бадмаев¹**ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ:
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО²**

Достижения современной цивилизации в экономике, технологиях, образовании, науке и других областях сопровождаются новыми глобальными вызовами человечеству, связанными с повышением уязвимости индивида и мира, в котором он живет, с рисками обострения социальных конфликтов.

Во многом это обусловлено неопределенностью и нестабильностью современного мира, тем, что его развитие противоречиво, разнонаправленно и нелинейно (глобализация и локализация, национальная интеграция и мультикультурализм, международная миграция населения и др.).

Объективные процессы глобализации ведут к росту взаимозависимости между народами и повышению уровня взаимодействия между культурами и цивилизациями. Глобализация, открывая новые возможности по обмену и интеграции в области экономических, финансовых и информационно-технических ресурсов, в то же время представляет собой вызов в плане сохранения и продвижения интеллектуального и культурного многообразия цивилизаций и всего человечества. В данном контексте большое значение приобретает укрепление взаимопонимания и налаживание конструктивного взаимодействия между различными культурами и религиями. Именно взаимопонимание и готовность к диалогу с другими культурами, этносами, религиями важны для социальной взаимосвязанности и устойчивого развития.

Глобализация релятивизирует прежние культурно-цивилизационные границы. Мир находится в точке культурной бифуркации, отражающей критический период современной истории. Период, который характеризуется тем, что человечество переходит от состояния, когда оно существовало и развивалось в форме многих и разных самостоятельных цивилизаций, к состоянию, когда мир становится взаимосвязанным и взаимозависимым. В центр научного и общественного внимания все чаще попадают вопросы адаптации, аккультурации, интеграции, с одной стороны, и дифференциации, этнокультурного расслоения, этнизации социальных отношений, межэтнической напряженности — с другой.

Глобализация предстает как сила, которая, помимо прочего, способствует сохранению и развитию местных различий и многообразия, то есть росту локаль-

ной гетерогенизации. В этой ситуации вполне правомерно говорить о появлении другой глобальной тенденции, которая, по сути, заключается в том, что регионы, государства, нации стремятся возродить или вернуть собственную историю, идентичность и традиции. Локальный ответ на глобальный вызов может принимать разные формы, сопротивление и отрицание — далеко не единственно возможные его варианты. Причем если оценивать этот ответ по шкале «принятие» и «отрицание», то необходимым представляется введение и таких промежуточных градаций, как «существование» и «синтез». Понятно, что данная шкала каждый раз должна детализироваться для измерения разнообразных ответных реакций со стороны локальных обществ, сталкивающихся с вызовами глобализации. Как заявил на Всемирном экономическом форуме в Давосе глава одного из крупнейших в мире хедж-фондов “Bridgewater” Рей Далио, по всей видимости, эпоха глобализации подходит к концу. Эту тенденцию активно сменяют регионализация и национализация³.

Очевидно, что глобальные процессы необходимо рассматривать в сопоставлении с локальными. Ведь именно локальные ориентиры задают координаты позиционирования индивида в глобальном мире. Вместе с тем возможности тиражирования и распространения в информационном обществе культурных образцов позволяют говорить о становлении механизмов глобального культурного обмена.

Важно учитывать то, что глобализация вовсе не становится только показателем интеграции и гармонии. Проявляются также признаки различий, разъединения, разграничений, дискриминации и разногласий. Мир, сжатый до пределов одной экономической, финансовой, торговой, электронной системы, никогда не был так разделен барьерами в зависимости от силы, благосостояния, влияния и доступа к информации, ресурсам. Другими словами, общение в реальном времени и формирование общества без границ сопровождаются возведением барьеров между людьми и даже дискриминацией. Скорость и темп перемен усиливают проблемы адаптации к условиям изменяющегося мира, что порой служит причиной фанатизма, экстремизма, предвзвешенных суждений.

Весьма негативным фактором, в определенной степени обостренным процессом глобализации, является то, что объединение стран мира сопровождается фрагментацией — накоплением противоречий, различий внутри каждой из стран, следствием чего оказывается не укрепление, а размывание в этих странах внутреннего единства и в целом — ослабление национальных государств. Косвенным эффектом фрагментации внутри национальных государств становится то, что и объединенная Европа во многом дезинтегрирована, ибо явные или скрытые признаки разногласий не сглажи-

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ)», «“Восточное” в глобальном: столкновение или диалог?», «Межконфессиональный диалог: культурное измерение», “Eurasianism as a “philosophy of nation”», «Мультикультурализм и толерантность: вызовы современного мира», «Евразийская идея и вызовы глобализирующегося мира», «Культурная самобытность монголоязычных народов в контексте теории незападной современности» и др. Член Российского философского общества.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-23-03002.

³ См.: Королева А. Глобализацию поставили на паузу. URL: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya>

ваются, а множатся. Наглядный пример — референдум 2016 года о членстве Великобритании в Европейском Союзе, когда 51,89 % граждан королевства проголосовали за выход из ЕС (феномен Brexit).

Усиливается этническая фрагментация: этнические группы претендуют не просто на автономию и сохранение своей культуры, но и на отделение от тех стран, с которыми они связаны тесными историческими, экономическими и культурными узами; разжигается национально-этническая рознь, часто перерастающая в военные конфликты. Можно говорить о всплеске «нового регионализма» и «нового локализма».

Американский журнал “The Atlantic” (основан в 1857 г.) в майском номере за 2015 год опубликовал статью “The Disintegration of the World” («Дезинтеграция мира») управляющего директора Thomson Reuters Кристи Фриланд, где предлагается достаточно оригинальный форсайт-взгляд на будущее мира — не через глобальные политические или экономико-технологические тренды, а сквозь призму общественных настроений, выразителем которых является средний класс¹. В статье приводятся следующие данные. Если в 2009 году доля среднего класса составляла: в Северной Америке — 18 %, в Центральной и Южной Америке — 10 %, в Европе — 36 %, в Азии — 28 %, то, по прогнозам, к 2030 году этот показатель изменится до 7, 6, 14 и 66 % соответственно. То есть западные экономики будут переживать стагнацию, а глобальный средний класс переместится в Азию. Следовательно, мировой центр приобретет «незападные» черты.

Оставляя за кадром собственно финансово-экономические аспекты данного прогноза «дезинтеграции мира», отметим, что одним из ее социокультурных последствий станет изменение в общественном сознании среднего класса (как представителей современного общества с наиболее высокой социальной устойчивостью и мобильностью), восприятие мира может измениться с западного на незападный.

Дискуссии о перспективах современного глобализирующегося и взаимосвязанного мира продолжаются, но единой модели, естественно, не может быть, и это свидетельствует о важности расширения дискуссионного поля. Можно констатировать, что сформировался определенный научный дискурс, понимаемый как *message* обществу, попытка через новые интерпретации сделать сосуществование в условиях культурного многообразия и взаимосвязанного глобализирующегося мира бесконфликтным и толерантным.

Обратимся в данном контексте к материалам сборника «Мир через 100 лет», подготовленного Российским советом по международным делам, где представлено видение мира на столетнюю перспективу, исходя из реалий второго десятилетия XXI века. Так, например, авторы сборника небезосновательно считают, что будущий мир будет характеризоваться полицентричностью, причем центром этого мира может выступать не только государство, но и, например, университет, где

будут вырабатываться и обсуждаться новые идеи, апробироваться новые подходы².

Особую роль в данной ситуации играет межкультурная философия как философский дискурс диалога культур Запада и Востока. Примером такого дискурса является выход в свет книги «Цена и ценности. Экономика и справедливость в век глобальной взаимозависимости»³, опубликованной по материалам юбилейной X Конференции философов Востока и Запада, состоявшейся в Гонолулу в 2011 году. Одна из участниц конференции, директор Программы по азиатским исследованиям Американского университета Джин Парк, подчеркивая важность диалога при равенстве его участников, обратилась к буддийскому опыту. Она отметила, что ключ к пониманию буддийского конструирования идентичности — недвойственность индивидуального и тотального. Хотя отдельная идентичность бытует на уровне индивидуальных событий, это является кратковременным, промежуточным, поскольку идентичность существует благодаря совместной деятельности многочисленных и разных участников. В буддийском мире не только люди, но и те, кто ими не являются, обладают равными правами: «Мир Будды — мир абсолютного равенства, в котором даже песчинка имеет право утверждать, что она есть будда»⁴. В диалоге важно не только то, что ты думаешь о «другом», но и то, что «другой» думает о тебе. Важно не воздействие на «другого», а взаимодействие с «другим».

В связи с этим интересно мнение Его Святейшества далай-ламы: «В сегодняшнем светском мире религия, хотя и обладает способностью наставлять на путь нравственности и придавать жизни смысл, не может больше служить единственной основой этики. Одна из причин тому — повсеместный рост числа людей, не придерживающихся какого-либо определенного вероисповедания. Другая причина кроется в том, что глобализация и мультикультурность общества делают мир все более взаимозависимым, а значит, этика, опирающаяся на одну отдельно взятую религию, будет привлекательной лишь для некоторых из нас, но никогда не станет ориентиром для всех... Современный мир нуждается в таком подходе к этике, который не заставлял бы обращаться к религии и был в равной мере приемлемым как для людей верующих, так и неверующих — в светской этике». Отсюда он делает вывод, что «настало время научиться смотреть на духовность и этику как на нечто большее, чем религия»⁵.

В данной ситуации достаточно сложно провести интеллектуальный форсайт на тему о том, какие части и модели глобальной системы исчезнут, а какие будут реализованы в обновленном формате. При этом важно учитывать имеющийся исторический опыт осуществления политики мультикультурализма в различных странах с целью выработки эффективных стратегий

² См.: Мир через 100 лет : сб. ст. М. : Весь мир, 2016. С. 18.

³ Value and Values. Economics and Justice in an Age of Global Interdependence / eds. R. T. Ames, P. D. Herschok. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015.

⁴ Степанянц М. Т. Цены и ценности в эпоху глобализации // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 48.

⁵ Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира. М., 2016. С. 14.

¹ Freeland Chrystia. The Disintegration of the World “The Atlantic”. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/>

межкультурной коммуникации в условиях глобализирующегося мира. Главным является не столько представление максимально точной картины будущего, сколько формирование такого отношения к настоящему, которое могло бы оказать положительное влияние на формирование желаемого будущего.

Очевидно, что будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур. Следовательно, толерантность и мультикультурализм являются основными принципами социокультурного и этноконфессионального диалога в системе глобального межкультурного коммуникативного дискурса.